
О СТРОИТЕЛЬНЫХ МАСТЕРАХ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

К настоящему времени нам известны имена многих мастеров, создававших прославленный Кирилловский ансамбль. Это, прежде всего, Прохор Ростовский, который в 1496 г. вместе с 20 каменщиками и стенщиками возвел первый каменный храм монастыря — Успенский собор¹. А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин проследили по документам монастырское строительство 1640—1670-х гг., выявив имена ряда выдающихся строителей, среди которых целая «династия» Костоусовых, Кирилл Серков, Семен Шам². Установлены имена работавших в XVIII в. подрядчиков каменного дела — каменщика Спасо-Прилуцкого монастыря Федора Жукова и белозерца Федора Локтева³. Однако крайне скудны до сих пор сведения о мастерах, работавших в монастыре в XVI в. А ведь это и есть основной период сложения ансамбля, когда были возведены восемь из его одиннадцати храмов, комплекс хозяйственных построек, каменные ограды большого и малого монастырей. Правда, монастырская опись 1601 г. несколько раз говорит о «строениях» старца Леонида Ширшова, но у нас явно нет достаточных оснований рассматривать его как церковного мастера.

С большой осторожностью надо относиться к высказыванию Н. Забека, писавшего в своей статье о Кирилловской крепости: «В середине XVI в. здесь работает „каменный издатель“ Пахомий Горяинов; церкви Владимира,

¹ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). СПб., 1897. Т. I. Вып. 1. С. 24.

² Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая государева крепость. Л., 1972. С. 156—164.

³ РГАДА, ф. 1441, оп. 3, д. 368, л. 13. 1784 г.; д. 710, л. 7об. 1792 г.; д. 748, л. 6. 1793 г.; д. 759, л. 1—5об. 1793 г.

Сергия и Иоанна Лествичника являются его современниками, но мы, к сожалению, не имеем никаких указаний для сближения этих зданий с имеющимся мастером»⁴. Никаких указаний на источник Забек не приводит. Имя ростовского мастера Пахомия Горяинова известно: он назван вместе с другим ростовским мастером Григорием Борисовым в связи со строительством в 1540-е гг. трапезной Спасо-Каменного монастыря⁵. Эпитета «каменный издатель» в этом документе нет. Термин «церковный каменный издатель» (а не «издатель»!) применен по отношению к Григорию Борисову, но в другом источнике — «Повести о Борисоглебском монастыре»⁶, где имя Пахомия не фигурирует. Что касается перечня церквей-«современниц», то следует учесть, что Забеку была известна точная датировка только церкви Владимира — 1554 г., а две другие церкви в то время датировались согласно Никольскому в очень широких рамках (Сергиевская 1547—1601 гг., а Иоанна Лествичника 1557—1581 гг.). Таким образом, автором имелись в виду, скорее всего, 1550-е гг. Следует заметить, что Забек в своей статье ссылается лишь на работы Никольского, Сперанского и других столь же известных авторов, и очень сомнительно, чтобы он держал в своих руках какой-либо неизвестный другим исследователям документ. Более вероятно, что здесь мы имеем дело лишь с некорректным использованием известных в научной литературе текстов.

Таким образом, для суждения о строивших кирилловские храмы XVI в. мастерах остается базироваться в основном на архитектуре самих сооружений. Прежде всего, надо решительно подчеркнуть, что отмечавшееся неоднократно сходство системы завершения большинства кирилловских храмов и приемов их «обронной» кирпичной декорации, восходящих в обоих случаях к Успенскому собору, не должно рассматриваться как признак существования непрерывно развивающейся местной строительной школы. На протяжении большей части XVI столетия каменное строительство в монастыре велось эпизодически, с перерывами, и каждый такой эпизод связан с внесением в кирилловскую архитектуру новых мотивов и приемов, которые в той или иной форме сочетаются с уже ставшими для Кириллова традиционными. Можно,

⁴ Забек Н. Н. Крепостные сооружения XVII в. в Кириллове // ИМАИМ. Л.; М., 1940. Т. I. С. 156.

⁵ Леонид, архимандрит. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. II. № 658. С. 236.

⁶ Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века / Сообщение Хрисанфа Лопарева. [Изд. ОЛДП.] СПб., 1892. Вып. 86. С. 14.

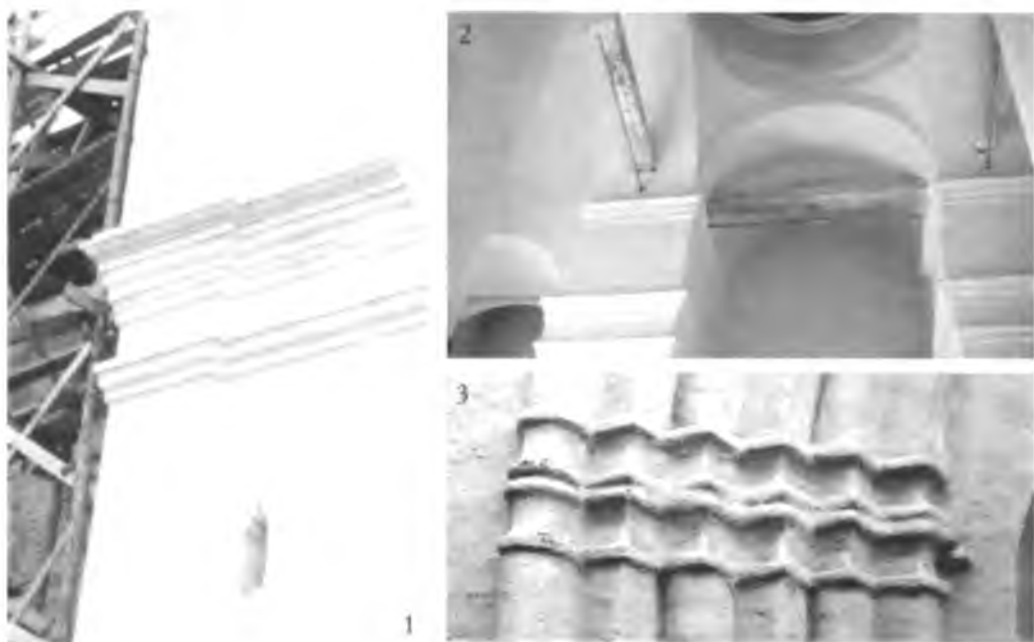
*Церковь Архангела Гавриила.
Современное состояние*

Церковь Иоанна Предтечи

в частности, не сомневаться, что трапезная с церковью Введения, церкви Гавриила и Иоанна Предтечи, церковь Иоанна Лествичника возведены высокопрофессиональными приезжими мастерами. Лишь во второй половине и особенно в конце столетия появляются постройки более упрощенные, вероятно, самостоятельно возведенные местными каменщиками.

В двух случаях могут быть выделены как бы парные сооружения, объединенные очевидным сходством, хотя это сходство и вызвано разными причинами. Одна из таких пар — надвратные церкви Иоанна Лествичника и Преображения, имеющие не только общую композиционную схему, но и многие сходные детали. В этом случае достаточно существенная разница датировок (1569—1572 и 1590-е гг.) и очевидное несоответствие профессионального уровня построек (у первого из храмов намного более высокий) явно указывают на прямое копирование более ранней постройки приезжего, скорее всего царского, мастера местными кирилловскими каменщиками, может быть, действительно руководимыми Леонидом Ширшовым.

Церковь Архангела Гавриила. 1 — антаблемент четверика;

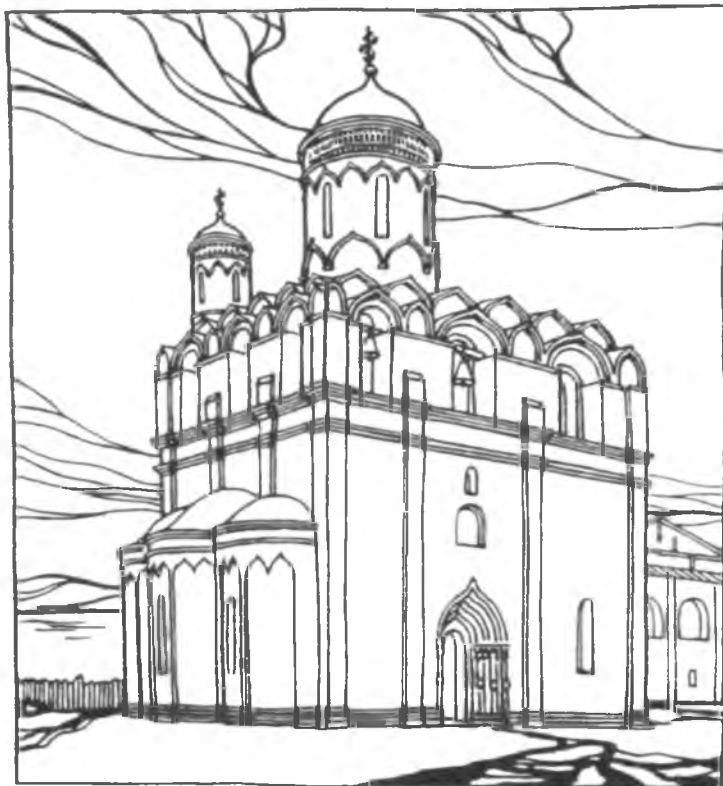
2 — обработка внутренних столбов; 3 — капители северного портала

*Церковь Иоанна Предтечи.
Декорация апсид*

Другой, более ранний случай — одновременное возведение в Кирилловском монастыре по великокняжескому заказу двух больших четырехстолпных храмов — Архангела Гавриила и Иоанна Предтечи. В этом случае при очевидных композиционных отличиях общими оказываются многие приемы и рисунок деталей, иногда совпадающий буквально, иногда варьирующийся, но все же как бы созданный одной рукой. В их основе лежит несколько упрощенная для воспроизводства в кирпиче система ордерных членений, включающая цоколь с профилем аттической базы, трехчастные пояса-антаблементы, раскрепованные на фасадных лопатках, и профилированные импосты под пятами арок в интерьере. Повто-

Церковь
Архангела Гавриила.
Реконструкция
С. С. Подъяпольского

ряются у двух храмов и многие другие детали устройства: порталы с очень характерными капителями, упрощенно имитирующими в кирпиче форму резной сноповидной капители, и с гладкими кирпичными бусинами; профилировка обрамлений киотов над порталами. Близка система декорации апсид в виде килевидной аркатуры, опирающейся на узкие прямоугольные тяги (с двойными арочками у церкви Гавриила и одинарными у церкви Иоанна Предтечи). В западной ветви креста у обоих храмов помещены не коробовые, как с остальных сторон, а крестовые своды, что заставило ориентировать шельги сводов западных закрестовий в поперечном направлении. Одинаково (и очень необычно) устроен у них жертвенник в виде прямого скоса внутри северной апсиды с арочной нишей внизу.

При этом детали церкви Гавриила, большей по размерам, тщательнее проработаны, прежде всего за счет большего числа рядов профилированных кирпичей в карнизах. Есть, однако, у них и более существенные различия. Так, западные столбы церкви Гавриила, очень высокие, имеют круглое сече-

ние, что сильно меняет характер интерьера. Наиболее же замечательная особенность композиции — устройство наверху вместо закомар обходящей четвертик по периметру звонницы. И вот как раз в этой, необычной для четырехстолпного храма, части памятника архитектурный язык заметно меняется. Четкость и выверенность построения формы уступают место неуверенности, очевидным признакам поиска решений в ходе строительства. Лопатки имеют разную ширину, часть их обрывается на случайной высоте, ритм кокошников сбив. Иным становится и почерк деталей. Богатство и тонкость профилировки сменяются подчеркнутой ее упрощенностью, причем в импостах арок звона появляется новый, несколько примитивный профиль в виде простого скоса, нигде в нижних частях не встречаемый. Верх здания кажется выполненным другой рукой. И если в пределах основного объема почерк деталей церкви Гавриила тот же, что и у Предтеченской церкви, то по отношению к звоннице следует отметить не только общность почерка, но и буквальное повторение всех основных деталей устройства звона с другим также практически одновременно возведенным сооружением — трапезной церковью Благовещения в Ферапонтове монастыре. При этом, если у церкви Гавриила свобода и некоторая нерегулярность построения архитектурной формы характеризуют только верхнюю часть здания, то в Ферапонтове эта же характеристика в гораздо большей степени может быть распространена на все сооружение.

Можно ли из этого сделать заключение об одновременной работе в соседних монастырях двоих мастеров, которые в двух случаях возводили здания самостоятельно, а в третьем последовательно трудились на одном здании? Как бы это ни казалось похожим на правду, все же нельзя сбрасывать со счетов, что приемы строительства и устоявшийся набор мотивов декорации больших монастырских храмов и трапезных вообще различались, и трудно всегда с уверенностью разграничить различия авторского почерка зодчего и различия «жанра». Как бы то ни было, для каждой из этих групп построек (условно принимая верхние и нижние части церкви Архангела Гавриила как две отдельные постройки) возможно попытаться установить свои параллели в русском зодчестве XVI в.

С большей определенностью устанавливается круг построек, обнаруживающих родственные черты с ферапонтовской трапезной. Помимо достаточно редкого устройства над ее церковью звонницы, в ее архитектуре можно выделить следующие характерные черты:

1. Общая схема здания с осевым расположением церкви и трапезной палаты, крытой двускатной кровлей с щипцами по боковым сторонам.

*Звонница трапезной
Благовещенской церкви
Ферапонтова
монастыря*

2. Тип оконных проемов в виде ступенчато западающих арочек, в данном случае с дополнительным валиковым обрамлением (для краткости опустим вопрос о происхождении этого типа и более ранних аналогиях рубежа XV и XVI вв.).

3. Карниз с кронштейнами из двух рядов поставленных на ребро непрофилированных кирпичей.

Осевое расположение трапезной и храма в основном характерно для трапезных второй четверти XVI в. и более поздних, а боковая ориентация конька кровли вообще встречается редко. Однако у ферапонтовской тра-

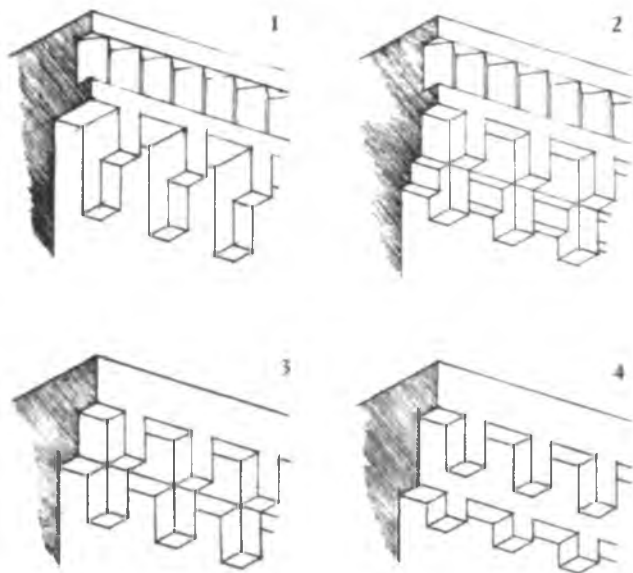
*Карнизы трапезных палат
1520—1540-х гг.:*

*1 — Борисоглебского
монастыря,*

*2 — Спасского монастыря
в Ярославле,*

*3 — Ферапонтова
монастыря,*

*4 — Спасо-Прилуцкого и
Корнилиево-Комельского
монастырей, казенной
палаты Ферапонтова
монастыря*

пезной есть более ранний предшественник, наделенный обеими этими чертами, хотя и весьма отличный стилистически. Это — трапезная 1519 г. Большого Кириллова монастыря с церковью Введения, которая, весьма вероятно, была указана строителям как образец. Что же касается двух других особенностей, а именно рисунка окон и карниза, то, с некоторыми незначительными вариациями, они встречаются, чаще всего одновременно, у вполне определенного круга трапезных, датируемых первой половиной XVI в. и расположенных в пределах Ростовской епархии. Это, прежде всего, трапезная Борисоглебского монастыря под Ростовом, 1524—1526 гг., а также трапезные Спасского монастыря в Ярославле (не датирована), Спасо-Прилуцкого монастыря, 1545 г., и Корнилиево-Комельского монастыря (также не датирована). К этой группе есть все основания причислить также трапезную Спасо-Каменного монастыря 1543—1549 гг., которая известна нам по фотографии, фиксирующей ее в сильно измененном виде. Возведенная вместе с трапезной Успенская церковь имеет декорацию фасадов, буквально повторяющую декорацию прилуцкого трапезного храма, и, подобно ферапонтовской Благовещенской церкви, венчалась звонницей. Кроме того, те же карнизы и окна применены еще у двух построек: Братского корпуса Борисоглебского монастыря, перестроенного в конце XVIII в. из хозяйственной постройки (вероятно,

Окно братского корпуса
(поварни)
Борисоглебского монастыря

поварни), и Казенной палаты Ферапонтова монастыря. Окна того же типа недавно найдены в остатках и восстановлены у другого хозяйственного сооружения Борисоглебского монастыря, пристроенного к трапезной в середине XVI в.⁷ Во всех перечисленных памятниках общий абрис окон сходен: его ширина примерно равна высоте. Несколько варьируются карнизы с кронштейнами, но все они явно представляют собой модификации одного типа.

Из приведенного перечня сооружений два имеют авторскую атрибуцию. Борисоглебскую трапезную строил ростовский мастер Григорий Борисов, трапезную Спасо-Каменного монастыря заложил Пахомий Горяинов, а свершил Григорий Борисов. Кроме того, текст «Повести о Борисоглебском монастыре» дает основания для атрибуции Григорию Борисову также и хозяйственных построек этого монастыря. Заметим, наконец, что сходство между некоторыми из названных сооружений не ограничивается только отмеченными выше чертами. В частности, очень близкие формы папертей позволяют тесно сблизить трапезную Спасо-Прилуцкого монастыря с ферапонтовской, а орнаментальные пояса — с трапезной Спасо-Каменного монастыря; звонница же последней, видимо, была очень близка к ферапонтовской звоннице.

⁷ Имеется в виду так называемый Новый настоятельский корпус. (Примеч. сост.)

*Казенная палата
Ферапонтова
монастыря*

Весьма примечательно, что в начале и в конце цепочки сравнительно близко расположенных и сходных по архитектуре сооружений мы встречаем одно и то же имя ростовского мастера Григория Борисова. Есть поэтому достаточные логические основания для предположительного отнесения к творчеству этого же мастера и находящейся как бы в середине этого хронологического ряда трапезной Ферапонтова монастыря, а в этом случае и звонницы над церковью Архангела Гавриила. Но если атрибуция этих трапезных и гражданских зданий, при отсутствии прямых документальных свидетельств, все же остается гипотетической, то принадлежность их группе или артели ростовских мастеров, работавших во второй четверти XVI в. в Вологодско-Белозерском регионе, можно считать несомненной.

Гораздо сложнее обстоит дело с поисками близких аналогий для кирилловских храмов Архангела Гавриила и Иоанна Предтечи. В пределах Ростов-

ской земли в определенной степени их предшественниками можно считать соборные храмы монастырей Спасского в Ярославле и Борисоглебского под Ростовом. В убранстве этих храмов присутствуют ордерные мотивы, переработанные для исполнения в кирпиче, а некоторые сочетания профилей буквально совпадают с профильными тягами кирилловских церквей. Еще ближе к кирилловским постройкам, не только по деталям, но и по своему пропорциональному строю, собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском. Напомним, что Н. Н. Воронин приписывал как Борисоглебский собор, так и собор Данилова монастыря Григорию Борису, хотя это сейчас и представляется достаточно спорным. Однако перечисленные храмы сильно отличаются от рассматриваемых нами своей внутренней структурой. Они перекрыты крестовыми сводами, пяты которых расположены на одной высоте, и в этом отношении следуют зальному типу московского Успенского собора. В отличие от этого, кирилловские церкви в целом воспроизводят традиционную структуру крестовокупольного храма с повышенными по отношению к угловым сводами ветвей креста, лишь с усложнением сводчатой конструкции западной части. В этом отношении более близок к ним пример суздальских храмов Покровского и особенно Спасо-Евфимиевского монастырей, у которых применены крестовые своды в западных компартиментах. Но эти памятники очень далеки от наших своей фасадной декорацией.

Можно также говорить о преемственной связи с кирилловскими храмами собора Спасо-Прилуцкого монастыря, 1537—1542 гг., при всей разнице в композиции и размерах этих построек. Прилуцкий собор — поставленный на подклет и обнесенный галереями большой пятиглавый храм с довольно скупой архитектурной декорацией. Проще он и по внутренней структуре: все его своды коробовые, подпружные арки не выражены. Карниз на его фасадах лишь с известной натяжкой может быть назван антаблементом. И все же некоторые черты собора явно восходят к кирилловским храмам. Так, у всех трех использован редко встречающийся прием, когда плоскости кокошников второго яруса под малыми барабанами не вынесены по отношению к их поверхности, а точно сопрягаются с ними по касательной. Если карниз под закомарами прилуцкого собора сильно упрощен, то профилировка его цоколя и, что особенно важно, все детали порталов довольно точно повторяют кирилловский образец.

Кроме того, нужно отметить, что декорация его барабанов очень близко совпадает с декорацией барабанов как кирилловской церкви Иоанна Предтечи (барабан церкви Гавриила не сохранился), так и особенно трапезного

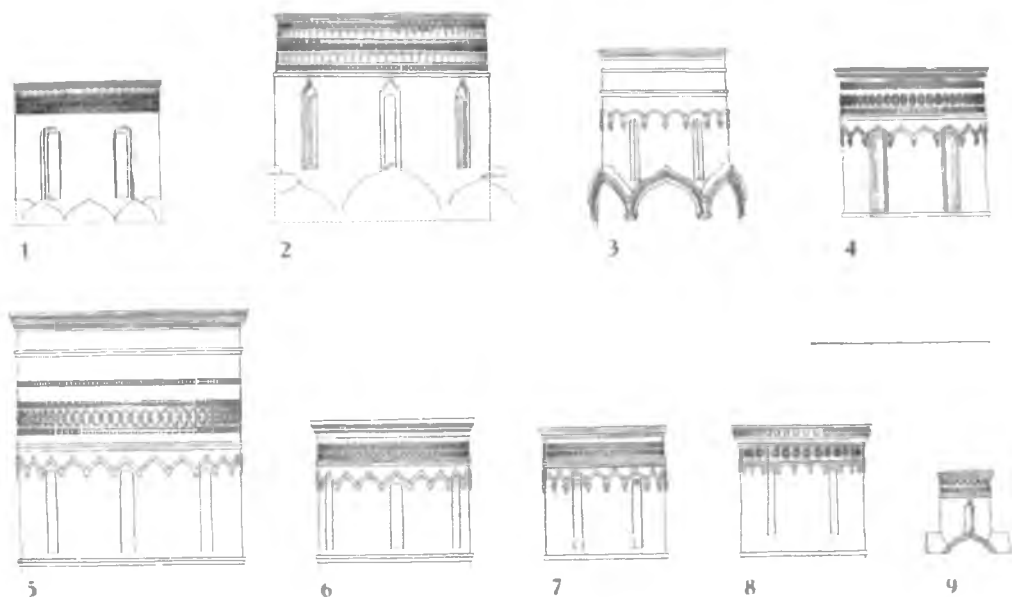
*Преображенский собор
Спасо-Прилуцкого монастыря*

храма Спасо-Прилуцкого монастыря, что позволяет включить этот памятник в общий генетический ряд.

Следует также сказать, что многие приемы конструктивного устройства, а также декорации, особенно детали порталов, повторены у последующих храмов Кирилло-Белозерского монастыря: церковей Владимира, Иоанна Лествичника, Преображения, — но значительно более позднее время их постройки и очевидность следования местным образцам, а не живой строительной традиции делают эти сопоставления малосущественными для поставленной нами темы.

Привлеченные нами аналогии кирилловских и феррапонтовской построек 1530-х гг. рисуют картину интенсивного каменного строительства в монастырях Вологодско-Белозерского края. Это редкий для XVI столетия случай, когда можно с большой долей вероятности обрисовать непрерывную деятельность одной группы строителей.

Можно было бы говорить о единой артели, если бы мы располагали сколько-нибудь надежными сведениями о принципах формирования артелей,

*Декор барабанов церковных сооружений Белозерья и Вологды
конца XV — первой половины XVI в.:*

- 1 — собор Ферапонтова монастыря, 2 — собор Кирилло-Белозерского монастыря,
3 — трапезная церковь Ферапонтова монастыря, 4 — церковь Иоанна Предтечи
Кирилло-Белозерского монастыря, 5—6 — собор Спасо-Прилуцкого монастыря,
7 — трапезная церковь Спасо-Прилуцкого монастыря, 8 — собор Горницкого монастыря,
9 — церковь Владимира Кирилло-Белозерского монастыря

степени постоянства их состава, взаимоотношений артели и главного мастера. Попытаемся реконструировать перечень работ этой артели или группы, включив в них предположительно некоторые несохранившиеся сооружения:

1. Собор Борисоглебского монастыря. 1522—1524.

2. Трапезная Борисоглебского монастыря. 1524—1526.

3. Поварня и, возможно, другие «службы» Борисоглебского монастыря.
После 1526 г.

4. Трапезная Спасского монастыря в Ярославле. Дата неизвестна.

5. Трапезная Ферапонтова монастыря. 1530—1534.

6. Церковь Иоанна Предтечи в Кирилло-Белозерском монастыре.
1531—1534.

Собор Рождества
Богородицы
можайского Лужецкого
монастыря

7. Церковь Архангела Гавриила в Кирилло-Белозерском монастыре. 1531–1534.

8. Казенная палата Ферапонтова монастыря. Дата неизвестна.

9. Трапезная Павло-Обнорского монастыря (сохранилась фрагментарно). Начата в 1536 г.

10. Собор Спасо-Прилуцкого монастыря. 1537–1542.

11. Трапезная Спасо-Прилуцкого монастыря. 1545 (окончание).

12. Церковь Сергия Радонежского (Павла) в Павло-Обнорском монастыре (не сохранилась). 1546.

13. Трапезная Спасо-Каменного монастыря. 1543–1549.

14. Трапезная Корнилиева-Комельского монастыря. Дата неизвестна.

Есть также некоторые основания для причисления к деятельности этой группы мастеров соборных папертей Кирилло-Белозерского монастыря (не сохранились) и Ферапонтова монастыря.

Казалось бы, очевидна строгая локализация деятельности этой стилистически четко очерченной группы пределами Ростовской епархии с постепенным смещением из Ростова и Ярославля в Белозерье, а затем в окружающие Вологду монастыри. Общая продолжительность ее существования составляет не менее 25 лет, что более или менее совпадает с периодом активной жизни одного поколения. Однако кажущаяся замкнутость ее строительного опыта рамками Ростовской епархии нарушается существованием еще одного памятника, достаточно удаленного и вместе с тем обнаруживающего очевидные точки соприкосновения с некоторыми из рассмотренных выше построек.

Речь идет о соборе можайского Лужецкого монастыря. Это средней величины пятиглавый крестовокупольный храм, поставленный на подклете. Западные столбы собора, как и у церкви Гавриила, круглые, но завершены они не кубовидной капителью, как у этой церкви, а профильными тягами, охватывающими лишь часть окружности и расположенными в два яруса, соответственно под пятами арок, переброшенных к стенам, и подпружных арок под барабаном. Своды ветвей креста — коробовые. Главное, что сближает памятник с постройками Белозерья и Вологды, это мотивы декорации его фасадов и отчасти интерьера. Особо следует отметить полную идентичность как общего характера, так и всех деталей порталов, включая и кирпичную имитацию сноповидных капителей, более нигде не встречающуюся. Апсиды собора расчленены килевидной аркадой на тонких вертикальных тягах, совершенно идентичной с аркадой апсид церкви Иоанна Предтечи. А в трехчастные карнизы четверика, апсид и барабана во фризовой части введена цепочка арочных ниш, которая у собора Спасо-Прилуцкого монастыря включена только в карниз апсид. Таким образом, наряду с чертами общего сходства имеются признаки, роднящие этот памятник поврозь как с кирилловскими храмами, так и с собором Спасо-Прилуцкого монастыря.

Собор Лужецкого монастыря не имеет точной даты. Известно лишь, что он построен на вклад митрополита Макария, происходившего из этого монастыря, в бытность его новгородским архиепископом, т. е. между 1526 и 1542 гг. Представляется почти несомненным, что кто-то из строителей собора участвовал также в создании обоих кирилловских и прилуцкого храмов. Если так, то возведение собора следует отнести либо к началу, либо к концу обозначенного периода, исключив его середину. Есть у собора Лужецкого монастыря одна черта, заставляющая отдать предпочтение скорее более ранней дате. Купольные своды его барабанов и конхи

апсид выложены очень необычно — в виде меридионально поднимающихся к шельге рядов поставленных на ребро кирпичей, из которых только немногие доходят до верха, остальные же обрываются по мере сужения соответствующих долек свода. Можно высказать предположение, требующее проверки, что в швах между рядами кирпичей скрыт металлический каркас, поскольку в противном случае отсутствие в кладке свода горизонтальной перевязки было бы совершенно необъяснимо. Металлическое армирование кладки было введено в русскую практику итальянскими мастерами и известно в основном у таких ранних для XVI в. построек, как галереи Благовещенского собора, а применительно к купольным сводам — у Успенской церкви в Ивангороде.

Лужецкий монастырь исторически связан с Белозерьем. Он основан в начале XV в. Ферапонтом по повелению можайского, верейского и белозерского князя Андрея Дмитриевича. Но для XVI в. такая связь вряд ли уже могла иметь какое-либо значение, тем более учитывая ктиторство Макария. Поэтому сходство между можайским монастырским собором и вологодско-белозерскими постройками следует прежде всего трактовать как признак существования достаточно развитых перекрестных связей между строительной деятельностью различных регионов Московского государства. В этой связи следует напомнить об известных фактах работы тверских строительных мастеров в пределах Новгородской епархии — в Волоколамске и в Хутынском монастыре. Длительная работа компактной группы ростовских мастеров в пределах одного региона свидетельствует, на наш взгляд, не столько о строгой локализации строительных корпораций, сколько о хозяйственных возможностях заволжских монастырей, сосредоточивших в своих руках значительные великокняжеские и боярские вклады. Интенсивная строительная деятельность этих монастырей выглядит особенно внушительно для конца 1530-х и 1540-х гг., когда каменное строительство в самой Москве было фактически прервано. Отправным пунктом для этого процесса послужило одновременное возведение в Кирилло-Белозерском и Ферапонтове монастырях трех монументальных построек, во многом определивших лицо этих замечательных архитектурных ансамблей.

Доклад, прочитанный в Ферапонтове 5 августа 1995 г. на научной конференции «Русский Север: История, культура, традиции».